КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории

КАЗАНЬ

2015

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

П20

Печатается по решению кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Э.В. Рунг;**
доктор исторических наук **Е.А. Чиглинцев;**
доктор исторических наук **Д.В. Шмелев**

Рецензенты:
доктор исторических наук **В.М. Ловчев** (г. Казань, КНИТУ);
доктор исторических наук **С.Г. Карпюк** (г. Москва, ИВИ РАН)

П20 Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / под ред. Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 207 с.

ISBN 978-5-00019-481-2

В данной коллективной монографии ее авторы, будучи специалистами по различным периодам всемирной и отечественной истории, впервые в отечественной исторической науке предлагают исследование феноменов патриотизма и коллаборационизма в период от античности и до современности, на основании разнообразного источникового материала. Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников, занимающихся изучением вопросов войны и мира, политических и идеологических процессов в обществе, а также социокультурных процессов во всемирной истории.

ISBN 978-5-00019-481-2

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

© Издательство Казанского университета, 2015

Tuplin C.J. 2013: Intolerable Clothes & a Terrifying Name: The Characteristic of Achaemenid Invasion Force // Marathon – 2,500 Years / Proceedings of the Marathon Conference 2010 / Bulletin of the Institute of Classical Studies. Suppl. 124 / C. Carey, M. Edwards (eds.). L. 225–228.

Ungern-Sternberg J. von. 2000: Kollaboration von der Antike bis zum 21 Jahrhundert: Ein Diskussionbeitrag // Studia Humaniora Tartuensia, 5 (2), 1–10.

Westlake H.D. 1936: The Medism of Thessaly // Journal of Hellenic Studies, 56, 12–24.

Wolski J. 1973: Μηδισμός et son importance en Grèce à l'époque des Guerres Médiques // Historia, 22 (1), 3–15.

2. Аргос в период Греко-персидских войн: нейтралитет или мидизм?

Э.В. Рунг, Е.А. Венидиктова

Проблема нейтралитета некоторых полисов в период наиболее значимых конфликтов в истории Греции, и, прежде всего, Греко-персидских и Пелопоннесской войн, периодически освещается в современной историографии[1]. К числу греков, которые отстаивали свое право на нейтралитет в период этих двух великих конфликтов, принадлежали аргосцы. Однако, в случае Греко-персидских войн нейтралитет Аргоса не был столь очевидным для всех греков, а иногда воспринимался как прикрытие его истинной персофильской позиции – мидизма. В данной статье мы ставим вопрос о том, как соотносились между собой декларируемый нейтралитет аргосцев и их предполагаемое персофильство. Первый отражал аргосскую пропаганду и выглядел для их противников в Греции и, прежде всего, спартанцев, как намерение уйти от ответственности за свою проперсидскую внешнеполитическую позицию, учитывая сложившиеся на тот момент неблагоприятные для Аргоса политические условия в Греции (вслед-

[1] О явлении нейтралитета в целом и, в частности, в период Греко-персидских войн см.: *Phillipson C.* 1911, 304ff; *Bauslaugh R.A.* 1990, 93–98; *Bederman D.J.* 2001, 215ff; *Viviers D.* 1995, 257–269; *Troncoso V.A.* 2001, 365–375; *Vanicelly P.* 2004, 199–217.

ствие поражений, которые аргосцы потерпели в Пелопоннесе от Спарты в VI в. до н.э.[2]), а второе могло свидетельствовать о реальной политике аргосского полиса накануне и в период вторжения Ксеркса.

Начнем с того замечания, что проблему «нейтралитет vs мидизм» уже вполне явственно осознавал «отец истории» Геродот, который несколько раз на страницах своего труда определяет нейтралитет в период Греко-персидских войн как ἐκ τοῦ μέσου ἑζῆσθαι / ἐκ τοῦ μέσου κατῆσθαι – «находиться посередине» (Herod. VIII. 22, 73) и ἡσυχίην ἔχειν / ἡσυχίην ἄγειν – «сохранять спокойствие» (VII, 150, 151, 161, 208; VIII, 14). Однако, после перечисления собравшихся на Истме для защиты Пелопоннеса греков и рассказа о населении этого полуострова, «отец истории» замечает: «Из этих семи племен, остальные полисы, кроме уже названных, оставались *нейтральными* (τούτων ὧν τῶν ἑπτὰ ἐθνέων αἱ λοιπαὶ πόλιες, πάρεξ τῶν κατέλεξα, ἐκ τοῦ μέσου κατέατο). Если же говорить откровенно (εἰ δὲ ἐλευθέρως ἔξεστι εἰπεῖν), они были потому *нейтральными*, что *мидизировали*» (ἐκ τοῦ μέσου κατήμενοι ἐμήδιζον)» (Herod. VIII. 73). Здесь Геродот наверняка подразумевает Аргос, который объявил о своем нейтралитете в войне с Персией, но на деле, по мнению того же «отца истории», установил дружественные отношения с персами и даже оказывал им некоторое содействие в 480–479 гг. до н.э. (Herod. IX. 12)[3].

Примечательно, однако, что аргосцы отсутствуют в списке предоставивших землю и воду царю Ксерксу в 481 г. до н.э. (Herod. VII. 132). Но означает ли это, что они не предоставили эти символические знаки покорности? На этот вопрос трудно ответить определенно. Возможно, аргосцы намерены были отрицать свое предоставление земли и воды, и это дало, с одной стороны, формальное основание пробулам Эллинского союза добиваться присоединения Аргоса к антиперсидской коалиции, а аргосцам, в свою очередь, заявлять о

---

[2] Об аргосско-спартанских взаимоотношениях см.: *Венидиктова Е.А.* 2010, 3–11; *Venidiktova E.A.* 2015, 49–53.

[3] О нейтралитете аргосцев см.: *Gillis D.* 1979; *Green P.* 1996, 67; *Mikalson J.* 2003, 60; *Mattingly H.B.* 1996, 261. С. Хорнблауэр считает их нейтралитет официальным прикрытием их мидизма (*Hornblower S.* 1983, 81).

своем нейтралитете (Herod. VII. 145; 148–152; Diod. XI. 3. 4). Хотя, с другой стороны, предоставление земли и воды фиванцами и фессалийцами не явилось препятствием их присоединения к Эллинскому союзу[4] (возможно, греки первоначально просто не были осведомлены об их действиях по установлению отношений с персами или же во имя объединения всех греков надеялись первоначально простить мидизм некоторых государств). И хотя Геродот никогда не говорит открыто о мидизме аргосцев, его повествование содержит как скрытые намеки (VIII. 73; IX. 12), так и конкретные указания на персофильскую позицию Аргоса (VII. 150–152).

Вообще же, непосредственно к позиции Аргоса в период Греко-персидских войн «отец истории» обращается всего лишь дважды (VII. 148–152; IX. 12), а это значительно реже, чем он говорит, например, о персофильской позиции фессалийцев или фиванцев. Тем не менее, среди таких обращений – подробный рассказ, включающий различные версии отказа аргосцев от приглашения присоединиться к Эллинскому союзу для борьбы с Персией (Herod. VII. 148–152): от ссылки на изречение Дельфийского оракула и упоминания тягостных последствий недавнего поражения при Сепее[5], до предположения о генеалогическом родстве аргосцев с персами посредством их общего предка – греческого легендарного героя Персея (Herod. VII. 150; FGrHist. 105. F. 3)[6].

Между тем, Геродот предполагает, что нейтралитет аргосцев как раз и мог быть определенным следствием персидских дипломатических акций в Греции. В частности, «отец истории» (VII. 150) передает

---

[4] Об этом см.: *Рунг Э.В.* 2008, 36–40.

[5] Оценка воздействия понесенного аргосцами поражения в битве при Сепее на их внутреннюю и внешнюю политику полностью зависит от датировки этого сражения. В современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н.э. или 494 г. до н.э.), каждая из которых находит своих сторонников. Об историографии вопроса см.: *Строгецкий В.М.* 1979, 108–117; *Печатнова Л.Г.* 2006, 34–35, прим. 21.

[6] О мифологизации персидской истории в общественном сознании греков подробнее см.: *Georges P.* 1994, 47–75. Диодор Сицилийский (X. 21. 1–3) сообщает, что еще Датис накануне сражения при Марафоне в 490 г. до н.э. на переговорах с Мильтиадом использовал мифологические сюжеты для обоснования своих претензий на господство над афинянами (апелляция к легендарному Миду, сыну Мидеи как общему предку афинян и мидян).

распространенный в Элладе рассказ о прибытии в Аргос накануне персидского похода против балканских греков глашатая Ксеркса (ἔστι δὲ ἄλλος λόγος λεγόμενος ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα, ὡς Ξέρξης ἔπεμψε κήρυκα ἐς Ἄργος πρότερον ἤ περ ὁρμῆσαι στρατεύεσθαι ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα), который обратился к аргосцам со словами: «Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: “Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие (ἡσυχίην ἔχοντας). Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас”» (Herod. VII. 150)[7]. Геродот (VII. 152) признает, он получил информацию об этом эпизоде от самих аргосцев, и даже выражает свою неуверенность в отношении историчности этой дипломатической миссии перса в Аргос. Очевидно, «отец истории» не исключает, что эпизод с посольством Ксеркса аргосцы могли придумать, чтобы оправдать свой нейтралитет в период Греко-персидских войн[8]. Хотя, с другой стороны, допустимо предположение, что рассказ о персидском посольстве в Аргос имел под собой реальные основания, и тогда возникает закономерный вопрос: не явля-

[7] Эсхил именует персов потомками «златоносного рода» (χρυσογόνου γενεᾶς): схолиасты называют имя Персея (Pers., 79–80 cum schol). Гелланик Лесбосский эпонимным предком персов считал Перса, сына Персея и Андромеды (Hellan. FGrH 1a, 4 F. 60). Геродот (VI. 54), упоминает некое персидское предание (ὁ παρὰ Περσέων λόγος λέγεται), согласно которому, сам Персей и его предки были ассирийцами; далее он также подтверждает известную ему версию о том, что эллины прежде называли персов кефенами, а те сами себя – артеями; персы же получили свое имя от Перса, сына Персея, который был оставлен своим отцом в их стране (Herod. VII. 61). В изречении Дельфийского оракула 480 г. до н.э. у Геродота персы именуются «мужи Персеиды» (ἄνδρες Περσεΐδες) – потомки Персея (Herod. VII. 220). П. Джордж считает представление персов перед греками как родственного народа подлинным отражением персидской дипломатической пропаганды (these must be genuine reflections of Persian diplomatic propaganda that presented the Persians to the Greeks of Europe as a kindred people) (*Georges P.* 1994, 67).

[8] С. Хорнблауэр, в частности, считает, что ссылка аргосцев на родство (συγγένεια) с персами служит оправданию ими своего мидизма (*Hornblower S.* 2001, 51). Напротив, А.М. Бови считает, что рассказ о мифическом родстве аргосцев с персами Геродот получил от других греков, которые намеревались тем самым очернить аргосцев (*Bowie A.M.* 2012, 280). Однако, как это показывают другие примеры, идея о происхождении персов от Персея была широко распространена в Греции, вероятно, еще до Греко-персидских войн, и как сами аргосцы, так, например, греческие советники Ксеркса (а среди них был спартанец Демарат!) могли использовать этот миф в пропагандистских и политических целях.

ется ли глашатай Ксеркса одним из тех посланцев, которые в 481 г. до н.э. посещали греческие полисы с требованием земли и воды? По мнению П. Джорджеса, дипломатические претензии Ксеркса на родство с аргосцами должны были быть современны самой войне[9]. В одном из фрагментов анонимного автора причиной отказа аргосцев от участия в сражении при Фермопилах и в других сражениях греков с персами выставлено их «родство с персами» – πρὸς | Π[έρσας συγγένει]|α[ν ..] (FGrHist. 105. F. 3).

Все же для современников Геродота одной из наиболее вероятных причин заявленного нейтралитета, но фактического персофильства аргосцев, выступает традиционная вражда Аргоса со Спартой, которая породила версию о том, что аргосцы призвали персов в Грецию, поскольку терпели поражение в войне со спартанцами и надеялись любой ценой избавиться от своих проблем (Herod. VII. 152)[10]. По сведениям «отца истории», на предложение Афин и Спарты вступить в Эллинский союз аргосцы выдвинули два условия: во-первых, заключить тридцатилетний мир со Спартой, чтобы их сыновья успели вырасти за эти годы, во-вторых, быть во главе союза наравне со Спартой (Herod. VII. 148–149). Возможно, выдвинутые аргосцами условия можно объяснить их нежеланием присоединиться к антиперсидской коалиции греков. Это было обусловлено, во-первых, тем, что в памяти аргосцев еще было живо воспоминание о недавней катастрофе при Сепее. Во-вторых, аргосцам было дано предсказание Пифии в Дельфах, которое запрещало принимать участие в войне (Herod. VII. 148). В-третьих, аргосцы могли рассчитывать на помощь персов в борьбе с лакедемонянами за гегемонию в Пелопоннесе (Herod. VII. 150–152). Геродот (VII. 151) даже предполагает существование договора, устанавливавшего дружбу аргосцев с Ксерксом – τὴν πρὸς Ξέρξην φιλίην[11]. В целом попытки Геродота обойти молчанием

[9] *Georges P.* 1994, 67.

[10] Традиционная вражда Аргоса со Спартой не вызывает сомнений, несмотря на попытки Т. Келли объявить это поздним «мифом» (См.: *Kelly T.* 1970, 971ff).

[11] М. Уотерс верно полагает, что заключение договора о дружбе аргосцев с Ксерксом могло быть сделано на условиях формального предоставления этому персидскому царю

или до известной степени оправдать мидизм аргосцев вполне могут быть объяснимы с учетом последующего существования союзнических отношений Аргоса с Афинами, которые продолжались на протяжении большей части V в.[12]

Наконец, еще одно свидетельство мидизма Аргоса Геродот сообщает далее, «вскользь» упоминая о том, что аргосцы обещали Мардонию помешать выступлению лакедемонян из Спарты в 479 г. до н.э. (Herod. IX. 12). Однако Р.А. Бослоф полагает, что данный рассказ выглядит просто как антиаргосская выдумка. Свое мнение он аргументирует тем, что если даже аргосцы «обещали» Мардонию затруднить продвижение лакедемонян, то этого в реальности не случилось, что и делает сообщение историка весьма подозрительным. Кроме этого, по мнению исследователя, аргосцы не желали вести военные действия после недавней катастрофы при Сепее, а требование разделить командование являлось всего лишь отговоркой для воздержания от участия в войне[13]. Тем не менее, аргументы Р.А. Бослофа являются неубедительными в том, что касается связи поражения при Сепее и отказа от участия в войне с Ксерксом[14]. Так, уже в 487 г. до н.э. аргосцы оказали помощь Эгине в войне с Афинами, а несколько лет ранее наложили штраф в 1000 талантов на Эгину и Сикион, обвинив их в помощи Клеомену I во время похода на Аргос (Herod. VI. 92). Однако исследователь прав в том, что аргосцы в реальности не предприняли никаких практических шагов, чтобы оказать помощь персам, и, в этом смысле они отличались в выгодную сторону от тех же фессалийцев и фиванцев, мидизм которых для греков был более очевиден ввиду участия их военных отрядов на стороне персов. Ничего этого

земли и воды, однако, в случае возобновления такого договора с Артаксерксом I требование земли и воды уже больше не могло выступать как условие соглашения со стороны персов (*Waters M.* 2014, 333–334).

[12] *Лурье С.Я.* 1947, 77–78. О внешней политике Аргоса в V в. до н.э. см.: *Kelly T.* 1974, 81–99.

[13] *Bauslaugh R.A.* 1990, 93–94.

[14] По мнению В.М. Строгецкого, Аргос постепенно оправился после сокрушительного поражения, которое нанес полису спартанский царь Клеомен и перед началом Греко-персидских войн вновь стал проявлять активность (*Строгецкий В.М.* 2008, 147).

не было зафиксировано в отношении аргосцев, что, очевидно, создавало трудности грекам в их определении действий аргосцев как мидизм.

Единственное косвенное свидетельство в пользу возможного признания аргосцев ответственными за их мидизм в период Греко-персидских войн, помимо довольно неоднозначно воспринимаемых указаний Геродота, это сообщение Плутарха о том, что спартанцы предлагали исключить из Дельфийской амфиктионии в 478 г. до н. э. те государства, которые не сражались против Персии. Но их намерение встретило противодействие Фемистокла, который из-за возможного исключения фессалийцев, фиванцев и аргосцев, опасался укрепления влияния Спарты в этой организации (Plut. Them. 20). Однако из этой информации отнюдь не следует, происходило ли в действительности обсуждение позиции Аргоса по отношении к Персии на собрании представителей амфиктионии.

И если судить по конкретным действиям аргосцев, направленным на сотрудничество с персами в ущерб интересам Эллады, а не по намерениям и стремлениям, то реальные доказательства такого сотрудничества не были очевидны уже для многих современников, а это едва ли позволяет квалифицировать позицию Аргоса как подлинный мидизм, но свидетельствует более в пользу провидимой им политики нейтралитета. Однако, как известно, дыма без огня не бывает. И, надо думать, что аргосцы открыто не перешли на сторону Ксеркса только по той причине, что ожидаемое вторжение персов на Пелопоннес так и не произошло. Таким образом, объективно аргосцы оказались в стороне от той ситуации, в которой они смогли бы открыто продемонстрировать свое персофильство. И именно это могли учитывать греки, которые говорили о мидизме Аргоса.

После Греко-персидских войн аргосцы, конечно, эпизодически поддерживали контакты с персами. Среди таковых следует кратко упомянуть следующие: участие аргосца Поллида как частного лица в делегации пелопоннесцев в Персию в 431 г. до н.э. (Thuc. II. 67. 1);

присоединение аргосских послов к совместным дипломатическим миссиям греков к персидскому царскому двору – Клеострата и Пирролоха в 408 г. до н.э. (Xen. Hell. I. 3. 13), а также других послов в 392 г. до н.э. (Xen. Hell. IV. 8. 13) и в 368 г. до н.э. (Xen. Hell. VII. 1. 33); получение двумя аргосцами, Килоном и Содамом, персидской финансовой помощи – «денег Тимократа», на борьбу со Спартой в 395 г. до н.э. (Xen. Hell. III. 5. 2; Paus. III. 9. 8); участие «предводителя аргосцев» Никострата в качестве командира аргосских наемников в египетской кампании Артаксеркса III Оха в 351 и 344 гг. до н.э. (Diod. XVI. 44. 2; Theop. FGrHist. 115. F. 124).

Однако, в источниках, кроме Геродота (который говорит о стремлении аргосцев заключить договор о дружбе с Артаксерксом I ввиду существования такого договора с Ксерксом: Herod. VII. 151), не акцентируется внимание на то, что такого рода отношения были следствием традиционной «дружбы» аргосцев с персами, восходящей к периоду Греко-персидских войн. Таким образом, опять же можно провести сравнение с фиванцами, которые во время последующих своих переговоров с персами нарочито подчеркивали свое традиционное персофильство, да и другие греки от случая к случаю вспоминали об этом также[15].

Литература

Венидиктова Е.А. 2010: Битва при Гисиях и проблема возникновения конфликта между Аргосом и Спартой // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2, 3–11.

Лурье С.Я. 1947: Геродот. М; Л.

Печатнова Л.Г. 2006: Противостояние Клеомена и Демарата (к вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // Вестник древней истории, 4, 29–49.

Рунг Э.В. 2008: Панэллинская лига 481/480 г. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 7. СПб., 23–46.

[15] *Рунг Э.В.* 2013, 81–98.

Рунг Э.В. 2013: Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Из истории античности и Нового времени / Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 12, 81–98.

Строгецкий В.М. 1979: О дате битвы при Сепее // Вестник древней истории, 4, 108–117.

Строгецкий В.М. 2008: Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.). СПб.

Bauslaugh R.A. 1990: The Concept Neutrality in Classical Greece. Oxf.

Bederman D.J. 2001: International Law in Antiquity. Cambridge.

Bowie A.M. 2012: Mythology and the Expedition of Xerxes // Myth, Truth and Narrative in Herodotus / E. Baragwanath, M. de Bakker (eds). Oxf., 269–286.

Georges P. 1994: Barbarian Asia and Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore.

Gillis D. 1979: Collaboration with the Persians / Historia. Einzelschriften, 34. Wiesbaden.

Green P. 1996: The Greco-Persian Wars. Berkeley, Calif.

Hornblower S. 1983: The Greek World, 479–423 BC. L.

Hornblower S. 2001: Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History /A.V.Hartman, B.Heuser (ed.). L.

Kelly T. 1970: The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth of a Myth // American Historical Review, 75, 971–1003.

Kelly T. 1974: Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C. // Classical Philology, 69 (2), 81–99.

Mattingly H.B. 1996: The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Michigan.

Mikalson J. 2003: Herodotus and Religion in the Persian Wars. L.

Phillipson C. 1911: The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. L., 1911. Vol. 2.

Troncoso V.A. 2001: Die neutralen Staaten in den Perserkriegen und das griechische Völkerrecht // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / D. Papenfuß, V.M. Strocka (Hg.). Mainz, 365–375.

Vanicelly P. 2004: Whose Side are you on? // The World of Herodotus / V. Karageorgis, I. Taifacos (eds.). Nicosia, 199–217.

Venidiktova E.A. 2015: Argos in VIII–VI Centuries BC: Development of Domestic Politics and Its Foreign Politics // Journal of Sustainable Development, 8 (5), 49–53.

Viviers D. 1995: Hérodote et la neutralité de Crétois en 480 avant notre ère // Hermes, 123, 257–269.

Waters M.W. 2014: Earth, Water, and Friendship with the King: Argos and Persia in the Mid-fifth Century // Extraction & Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper / M. Kozuh, W.F.M. Henkelman, C.E. Jones, C. Woods (eds.). Chicago, 331–336.

3. Коллаборационизм в римской истории: Гней Марций Кориолан против Рима

Л.М. Шмелева

Рим был самым северным форпостом латинских племен, соседствующих с этрусской цивилизацией. Римское аристократическое образование отличалось особым вниманием к патриотизму, дисциплине, смелости и военному мастерству. Римский патриотизм сформировался в условиях непрерывных войн в процессе становления *civitas*. Долг римского гражданина состоял в том, чтобы служить Риму. Ведь только община могла даровать человеку отличия, честь и славу, только в общине гражданин-римлянин мог этого добиться. Вне